

Через пару часов Гарри проснулся, услышав голоса вставших Невилла и Симуса. Первые пришедшие ему в голову мысли были о последних нескольких днях. Он уже собирался поздравить Невилла с тем, как храбро тот противостоял Волан-де-Морту и покончил с Нагайной, но слова застряли у него в горле, когда он заметил, что голос Невилла звучит куда моложе. Это был определённо Невилл, но он не звучал как тот мужчина, что прошлой ночью сражался за Хогвартс. Гарри сел в кровати, его мысли начали проясняться, и он вспомнил события последних часов. Просящая о поцелуе Гермиона, Миранда, соулмейты, возвращение во времени, брак.

— Неужели всё это вправду произошло? — подумал Гарри.

— Сбивает с толку, не правда ли? — раздался в его голове голос Гермионы. — Дорогой мой муж, — прибавила она после небольшой паузы.

— Гермиона? Так это всё было взаправду? Миранда, мы — соулмейты, свадьба, возвращение во времени?

Гарри ощутил, как его разум начал собирать фрагменты памяти воедино, и через несколько секунд растерянность сменилась удивительным спокойствием.

— Я люблю тебя, Гермиона Поттер, — подумал он.

— И я люблю тебя, Гарри, — откликнулась Гермиона.

Гарри нашарил очки на столике рядом с кроватью, нацепил их на нос и начал осматриваться, окончательно приходя в себя. Затем он начал размышлять о произошедшем и о том, что им сказала Миранда. Из размышлений его вывел громкий всхрап, и Гарри бросил взгляд на кровать Рона Уизли, ощутив, как его захлестывает волна неприязни и гнева. Гарри пришлось напрячь силу воли, чтобы не выхватить палочку и не забросать рыжего проклятиями.

— У меня с Джинни было то же самое, — сказала Гермиона. — Когда она утром спускалась по лестнице, я чуть не кинула в неё заклятие-подножку. Одно дело, когда тебе говорят об их предательстве и ты это просто знаешь, но когда я её увидела, всё это ощутилось таким... настоящим. К счастью, я сумела успокоиться и ничего необдуманного не сделала.

— А как ты это сделала? Успокоилась, в смысле? — спросил Гарри, всё ещё сверля взглядом храпящего Рона.

— Представив её выражение лица, когда этим утром я тебя поцелую, — ответила Гермиона. — И я не планирую ограничиться лёгким касанием губ. Если уж она хочет ревности, мы её обеспечим и без всяких дурацких зелий. Но вот что до причинения вреда, эта Джинни пока ещё не сделала ничего из того, что планировала. И теперь уже не сделает.

— Верно. Но Рона мне всё равно хочется проклясть. Он тебе навредил.

— Вообще-то ещё нет, и тот Рон, что спит наверху, уже не навредит, — возразила Гермиона. — Однако я размышляла о нём. Я... я знаю, что он долго был нашим другом, но не уверена, что сможет им остаться. Не после того, что мы узнали.

Гарри отвёл взгляд от кровати, в которой лежал обсуждаемый ими человек, и вздохнул:

— Согласен. И потом, как я уже говорил, если тебе станет неудобно, мы можем просто порвать с ними все контакты.

— Хотелось бы, чтобы он увидел наш поцелуй этим утром, но он ещё долго не проснётся после вчерашнего матча. Он же там был 'героем'! Возможно, стоит попробовать снова свести его с Лавандой. Услышать то, как она снова его зовёт 'Бон-Бон', без ревности было бы весьма весело.

Гарри мысленно хохотнул:

— Звучит шикарно. Итак, мне нельзя его проклинать, но и игнорировать его мы пока не можем, ведь такое резкое изменение поведения может выглядеть подозрительным.

— Верно. Но если он и Джинни уже что-то замыслили, того, что мы встречаемся, наверняка будет достаточно, чтобы они выкинули что-нибудь... такое, чтобы мы прекратили с ними общение.

— Весьма вероятно, но нам стоит проявлять осторожность. Их ревность может заставить их сделать и что-то похуже, чем подлить зелье.

— Я бы и так их остерегалась, — ответила Гермиона.

Она бросила через гостиную взгляд на рыжую девушку, которую раньше считала подругой.

— А ты давно проснулась?

— Около часа назад. Лаванда, сам знаешь, далеко не самый тихий человек в замке. И когда я проснулась, я начала размышлять о том, что нам вскоре надо сделать.

— И что ещё надумала? — спросил Гарри.

— Например, Хагрид. Нам нужно предупредить его об Амбридж. Он наверняка уже догадывается, но, может быть, позже мы дадим ему знать, в какую ночь всё произойдёт. Надеюсь, тогда профессор МакГонагалл не попадёт в Мунго.

— А почему бы нам не предложить ему скрыться прямо сейчас?

— Хочешь сам учить Грохха английскому?

— И то верно, — вздохнул Гарри. — И кстати, мы ведь дали обещание, да?

— Два года назад, но да.

— И значит, сегодня нам нужно провести время с Роном и рассказать ему о Гроххе, как и в прошлый раз.

— Пока не займеем вескую причину перестать с ним дружить, будем вести себя, как обычно. И потом, Хагрид может сам упомянуть Грохха.

— Об этом я не подумал, — признал Гарри.

— О Мерлин, я только что сообразила: он же будет болтать об этом дурацком матче, да? О каждом отбитом мяче.

— Вероятно, — согласился Гарри, услышав в ответ мысленный вздох своей жены.

Рон издал очередной громкий всхрип. Гарри покосился на Невилла и протёр глаза:

— Ты уже в гостинной?

— Да, жду тебя. Но не торопись, у меня с собой книга.

— И твой самый любимый муж, с которым можно поговорить? — хитрым тоном поинтересовался Гарри.

— Самый любимый? Поскольку ты мой единственный, ты заодно и наименее любимый, — мысленно усмехнулась девушка.

— Ну что ж, ты меня уела.

— После завтрака сходим к профессору МакГонагалл?

— Да, конечно.

— И захвати с собой зеркало, — посоветовала Гермиона. — Что-то мне подсказывает, что ты захочешь поговорить с Сириусом.

— Сириус... — подумал Гарри, начиная быстро одеваться. — Ты меня слишком хорошо знаешь, да?

— Лучше любого другого, — ответила Гермиона. И Гарри знал, что она права.

— А где мы будем с ним разговаривать?

— В Выручай-комнате, где же ещё?